

Искандер Арысов

Белый верблюжонок

Искандер Арысов

Белый верблюжонок

<https://litres.ru/74296268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он родился белым, как лунная кость, и не закричал при рождении — только посмотрел на мир так, будто уже знал всё, что случится через тысячу лет. Ак-бота, Белый верблюжонок — первый шаман, ясновидящий и знахарь на берегах древней Арыси. Он гадал на сорока одном камне, исцелял безнадежных, предсказывал засухи и урожаи, а старейшины, сжигаемые завистью, тщетно насылали на него чёрную порчу.

Но его смех звенел как колокольчик, и даже смерть не могла его остановить. Камни переходили из рук в руки, прорастая через века: от девочки-тени Ак-толкын до врача Жанар, от учёного Данияра до последнего мальчика Еркебулана, который превратил кумалаки в звёзды.

Роман-эпопея о том, как знание умирает и воскресает, как река меняет русло, но не иссякает, и как каждый из нас становится хранителем ветра, если умеет слушать тишину. Сорок один камень — сорок одна судьба. Сорок одна нить, которая связывает прошлое с будущим. А что увидишь в песке ты?

Искандер Арысов

Белый верблюжонок

Пролог. КОСТЬ, КОТОРАЯ ПОМНИТ ВЕТЕР

Земля помнит всё, даже то, что люди предпочитают забыть. Она хранит имена в своих трещинах, как старуха хранит высохшие лепестки в сундуке. Река — её язык, ветер — её дыхание, камни — её зубы, которыми она пережёвывает время. Если ты приложишь ухо к песку, ты услышишь, как под ним бьётся сердце — глухо, но ритмично, как барабан в дальней юрте. И тогда ты поймёшь: ты не первый, кто слышит это. И не последний.

***

Я сижу на берегу Арыси, той самой, что когда-то была полноводной, потом пересохла, потом снова забила из-под земли, как кровь из рассечённой вены. Сейчас она течёт ровно, спокойно, будто ничего не случилось, будто не было ни тысячелетних засух, ни железных городов, ни подземных убежищ. Вода пахнет тиной и солью, а на песке, у самой кромки, лежат сорок один камешек — гладкие, отполированные до зеркального блеска. Я сам их разложил, сам провёл пальцем по их поверхности, но я не знаю, откуда они взялись. Они просто были здесь, когда я пришёл, как будто ждали меня. Как будто ждали тысячу лет.

Меня зовут Арман. Я странник, писатель, собиратель ис-

торий, хотя сам я давно уже не знаю, что есть история, а что — вымысел. В свои пятьдесят с хвостиком я обошёл всю степь от Алтая до Каспия, записывал на бересте, на бумаге, на диктофоне всё, что слышал от стариков, от детей, от ветра. И каждый раз, когда я думал, что нашёл начало, я наталкивался на новый слой, как при раскопках древнего городища, где под одним фундаментом лежит другой, а под ним — третий, а под третьим — глина, в которой отпечатались пальцы человека, жившего так давно, что у него ещё не было имени.

Вот и сейчас: я сижу на берегу, перебираю камни, и каждый из них — как плотный комок времени, сжатый в тисках веков. Я закрываю глаза, и камни начинают говорить. Не словами — образами, запахами, звуками. Я слышу детский плач, который вдруг обрывается и переходит в звонкий смех; я чую запах самана и конского навоза, смешанный с пылью; я вижу глиняную стену, на которой дрожит тень от очага. И в этой тени, как в колодце, отражается лицо — белое, как молоко, с глазами, которые смотрят сквозь меня, сквозь время, сквозь все мои вопросы, на которые нет ответов.

Я знаю, что это он — тот, кого звали Ак-бота, Белый верблюжонок. Первый, кто взял в руки сорок один камень и увидел в них не просто гальку, а нити судеб. Он родился в час, когда река разлилась и принесла на своих волнах трупы зверей и корягу, похожую на руку мертвеца. Он не закричал при рождении — он просто открыл глаза, и в этих глазах уже было всё: засухи и наводнения, войны и перемирия, рождение

городов и их гибель, лицо матери и улыбка дочери, которая родится через тысячу лет. Повитуха испугалась и хотела утопить его в той самой реке, но её рука замерла, потому что младенец заговорил с ней — не голосом, а взглядом, в котором она прочитала своё собственное будущее: она умрёт через три дня, но перед смертью увидит, как её сын станет ханом. Она не стала его топить. Она перекрестила его веткой саксаула и прошептала: «Будь проклят или благословен — я не знаю. Но ты не мой. Ты — земли».

И земля взяла его. Она выкормила его травами, напоила своей подземной водой, обожгла его белизной, которую не мог снять даже полуденный зной. Он вырос среди овец и лошадей, но не стал пастухом — стал пророком. Он построил себе кибитку из самана и веток на стрелке Арыси, где вода делится надвое и уходит в разные протоки. Он выложил очаг чёрными камнями из Каратау и каждый вечер сидел у огня, перебирая гальку, которую насобирали на берегу. Сначала это была просто игра, потом — одержимость, потом — откровение. Он понял, что в каждом камешке живёт дух, что если коснуться его лбом, дух отвечает, что если разложить их в три ряда, духи складываются в узор, который можно прочесть как книгу, написанную не чернилами, а светом.

Он лечил больных — травами, заклинаниями, просто прикосновением руки, от которого уходила боль. Он предсказывал засухи и урожай, набеги и перемирия, погоду и ненастье. Он указывал старейшинам, на какие пастбища

гнать скот, и они шли за ним, потому что он никогда не ошибался. Он смеялся над завистниками, которые пытались навести на него порчу, и его смех был подобен звону колокольчика на шее ишака — чистый, беззлобный, но такой, от которого у злодеев холодела кровь. Они приводили к нему чёрных шаманов с бубнами и черепами, но Ак-бота брал горсть песка, бросал в лицо врагам, и они разбегались, потому что в песке видели собственные грехи, и грехи эти были тяжелее любого проклятия.

Он жил долго, но не состарился — он просто истончился, как войлок, который выцвел на солнце, но не потерял формы. Когда пришло его время, он взял свои сорок один камень, поцеловал каждый и бросил их в Арысь. Он сказал: «Я не ухожу, я растворяюсь. Теперь я буду в воде, в ветре, в траве. Каждый, кто зачерпнёт воду, получит часть моей мудрости. Каждый, кто вдохнёт полынь, услышит мой смех. Не ищите меня — я найду вас сам, когда вы будете готовы». И он разобрал свою кибитку, разровнял глину ногами и ушёл в горы, где его видели в последний раз стоящим на вершине с распростёртыми руками. Говорят, он превратился в белую птицу и улетел на юг. Говорят, он стал облаком. Говорят, он просто лёг на снег и растаял, оставив только отпечатки пальцев на камнях.

Но река не забыла его. Арысь пронесла его камни через века, через смены династий, через нашествия и переселения, через времена, когда о нём забыли, и времена, когда его имя

снова всплывало, как масло на поверхности кумыса. Камни переходили из рук в руки — их находили в устьях рек, в норах сурков, в корнях старых карагачей. Их брали шаманы и пастухи, врачи и учёные, дети и старики. Каждый, кто прикасался к ним, получал частицу дара, но дар этот был не одинаков: один видел только воду, другой — только травы, третий — только лица умерших, четвёртый — только звёзды. Лишь избранные видели всё целиком, и каждый из них, в свою очередь, передавал камни дальше, оставляя после себя новый след, новую легенду, новую нить в этом бесконечном ковре, который ткёт сама земля.

Я знаю их всех — они проходят перед моими глазами, когда я закрываю веки. Ак-толкын, тень Белого верблюжонка, черноволосая девочка с глазами, полными скорби, которая жила на месте его кибитки и видела будущее сквозь слёзы. Арыстан, его ученик, что нёс камни через пустыни и учил других, пока не состарился и не вернул их реке. Куаныш, мальчик, которого чуть не сожгли за колдовство, но который спас свой аул от набега, предсказав смерть хана. Олжас, рыжий весельчак, что спрятал камни в пещере, когда пришли железные люди с запретами. Азамат, последний, кто развеял камни в прах, пожертвовав молодостью. Жанар, врач, что написала книгу о ветре, который помнит имена. Айнура, открывшая воду ценой своей красоты. Алия, научившая людей читать песок. Тулеген, создавший новые камни из окаменевших слёз земли. Камила, превратившая их в рыб. Еркебулан,

который стал рекой и звёздами. И многие другие, чьи имена не записаны ни в одной книге, но чьи кости спят под этими холмами, и чьи голоса звучат в шуме ветра.

Я перебираю камни, которые лежат передо мной, и чувствую их тяжесть — не физическую, а временную. Это не те кумалаки, что бросал Ак-бота, и не те, что лепил Тулеген. Это просто галька с берега, которую я набрал, когда пришёл сюда. Но странное дело: когда я смотрю на них, они выстраиваются в три линии сами, без моего участия, и я знаю, что каждая линия — это одна эпоха. Первая — от Ак-боты до Ак-толкын. Вторая — от Арыстана до Олжаса. Третья — от Азамата до Еркебулана. А сорок первый камень, тот, что лежит отдельно, — это я. Потому что я тоже звено, я тоже часть этой цепи, хотя и не держал никогда кумалаков, и не умел гадать. Я просто слушаю, записываю, пересказываю. И этим я плачу свой долг перед теми, кто ушёл, но не исчез.

Иногда мне кажется, что я придумал всё это, что Ак-бота — лишь плод моего воображения, а Арысь — просто река, каких много. Но потом я поднимаю глаза и вижу на противоположном берегу фигуру — белую, прозрачную, почти невесомую. Она стоит неподвижно, и я слышу её смех, который несётся над водой, как колокольчик. Я знаю, что если я подойду ближе, фигура исчезнет, оставив только рябь на воде и три линии на песке. Но я не подхожу. Я просто сижу и смотрю, потому что мне не нужно ничего доказывать. Я знаю, что он есть. Он всегда был. И будет, пока есть кто-то,

кто помнит его имя.

Так начинается эта история. Она не моя, и она не твоя, читатель. Она — реки, которая течёт, камней, которые перекатываются, и ветра, который помнит. Я записал её для тебя, но запомни: прочитать — не значит понять. Чтобы понять, нужно однажды прийти на берег, сесть на песок и закрыть глаза. И тогда ты сам услышишь голос, который звенит как колокольчик, и сам увидишь линии, которые складываются в узор. И тогда ты тоже станешь частью этой повести, потому что каждая глава — это всего лишь отражение, а книга — это река, в которую можно войти, но из которой нельзя выйти, не промокнув.

Я кладу последний камень на место, встаю и иду прочь, оставляя сорок один отпечаток на влажном песке. Когда я оглядываюсь, они уже исчезли — вода слизнула их, как язык слизывает соль. Но я знаю, что завтра они появятся снова, в другом порядке, с другим посланием, потому что река никогда не повторяется. Она течёт, и каждое её течение — это новая история, новый вопрос, новый ответ.

И пока она течёт, пока ветер не стихает, пока камни не перестают петь — повесть продолжается. А она не перестанет. Никогда.

Вот так, дорогой читатель, всё и началось. Или не началось, а продолжалось. Но для того, чтобы рассказать тебе эту историю, мне пришлось начать с самого начала — с того мгновения, когда река впервые увидела человека, ко-

торый не побоялся заглянуть в её глубину. Тот человек был Ак-бота, Белый верблюжонок, и он шёл по воде, не замочив ног, потому что вода знала, что он — её сын.

Глава первая. ОТАРСКАЯ КОСТЬ

— Тот, кто родился белым, никогда не станет чёрным, даже если его закопают в землю на сорок дней.

(Древняя поговорка с берегов Арыси)

***

Он родился в тот час, когда небо над Оттаром выцвело до цвета пережжённой глины, а река Арысь, выйдя из берегов, принесла на своих хребтах трупы двух сайгаков и корягу, похожую на скрюченную руку мертвеца. Родился — и не закричал. Лежал в мокрой коже, испачканный кровью и плодными водами, и смотрел на мать сквозь слипшиеся ресницы — смотрел так, будто уже знал всё, что ей предстояло: что она умрёт через три весны, что отец женится на её младшей сестре, а брат его, ещё не зачатый, утонет в Арыси, спасая ягнёнка. Повитуха, старая Куланша, чьи руки помнили сотни родов, перекрестила дитя сухой веткой саксаула, прошептала: «Белый, как кость, белый, как луна в полдень», — и тут же осеклась, ибо в её роду не водилось пророков, а слова, сказанные в час появления человека, имеют силу камня, брошенного в стоячую воду.

Отец, Жангир-батыр, косоглазый воин, потерявший два пальца на правой руке в бою с ойратами, сплюнул сквозь

зубы и сказал: «У такого отродья не будет силы в костях». Мать, мягкая Айгерим, чьё имя означало «Лунный свет», прижала младенца к груди и почувствовала, как он сосёт молоко не губами, а всей кожей — будто впитывает её жизнь прямо через млечные протоки. Она испугалась и хотела отдать его шаману из соседнего аула, но шаман, старый Асанкайгы, который видел на три поколения вперёд, уже стоял на пороге, хотя его никто не звал. Он взглянул на ребёнка, потом на Арысь, потом на солнце, которое вдруг стало зелёным на мгновение, и сказал, едва шевеля губами: «Этот мальчик — не ваш. Он принадлежит камням. Вырастите его, но не привязывайте к себе. Он уйдёт, как вода». Сказав это, старик повернулся и ушёл в степь, где его видели в последний раз — через год нашли его кости в расщелине, обглоданные волками, но без следов борьбы, словно он сам лёг и позволил себя съесть.

Так и прозвали его Ак-бота — Белый верблюжонок. Прозвище прилипло к нему, как репей к верблюжьей шерсти, и даже когда у него пробилась первая щетина, и грудь стала широкой, как у тулпара, люди всё равно шептали за спиной: «Смотрите, Ак-бота идёт». Он нёс это имя, как нёс свою белизну — бремя, дарованное небом и проклятое землёй. В детстве его дразнили мальчишки из рода Конырат: кидали в него овечьи катышки, кричали «Ақ сүйек!» — «Белая кость», намекая не на знатность, а на цвет. Он не плакал, не жаловался, он брал эти катышки в руки, чувствовал тепло

чужих пальцев, и через минуту говорил обидчику: «Сегодня твой отец упадёт с коня, но не разобьётся; завтра твоя мать разобьёт кувшин с молоком, и ты получишь ремня». И всё сбывалось. Так сбывалось, что через два года никто уже не кидал в него ничем, а когда он проходил мимо, дети замолкали и прятались за юбки матерей.

Первое великое предсказание он сделал в семь лет. В ту весну старейшины собрались на совет, чтобы решать, где ставить юрты на летнее джайляу. Ак-бота сидел на корточках у костра и перебирал гальку, которую набрал в Арыси. Их было ровно сорок одна — он не считал, просто чувствовал число. Вдруг он встал и громко, по-детски звонко, сказал: «Не ходите на южный склон Каратау, там под землёй спит огненный змей, он проснётся через три луны и сожжёт всю траву». Старейшины засмеялись — что может знать семилетний выродок? Они двинули скот на юг, и через три луны, в самое половодье, когда трава уже должна была стоять по колено, из расщелины выползли струи дыма, потом трещина раскрылась, и из неё хлынула горячая грязь — не огненный змей, конечно, а просто грязевой вулкан, каких в горах несколько, но пастбища погибли, и половина окотилась яловыми. Тогда старейшины переглянулись и велели не трогать мальчика, а наоборот, приносить ему подарки — мёд, копчёное мясо, детские шубки. Он брал, улыбался своей странной улыбкой, которая казалась взрослой на детском лице, и раздавал всё бедным.

Когда ему исполнилось тринадцать — возраст, когда мальчик уже должен был седлать коня и учиться бить из лука, — он ушёл из дома. Не сбежал, не обиделся, а просто сказал матери: «Мне нужно к тому месту, где Арысь заворачивает на полдень, там меня ждёт старый человек». И пошёл пешком, без еды, без воды, только с холщовым мешком, где лежали сорок один отполированный голыш. Он шёл три дня, питался кореньями, которые выкапывал из земли, предварительно поклонившись каждой кочке. На третью ночь он нашёл развалины древнего жилища — глиняные стены, поросшие чием, и внутри — скелет старика, сидящего в позе медитации, с кумалаками на коленях. Это был Асан-кайгы, тот самый шаман, что предсказал его судьбу при рождении. Мертвец сидел прямо, на черепе ещё сохранились космы седых волос, и в правой глазнице горел светляк — крошечный, живой, пульсирующий. Ак-бота не испугался. Он сел напротив, достал свои камни и начал раскладывать, как делал тысячи раз в своих играх. Но тут камни пошли иначе — они не слушались его рук, а двигались сами, перекатываясь по сухой коже, складываясь в узоры, которых он никогда не видел. И тогда из сухих костей старика вышел голос — не скрип, не шёпот, а глухой удар барабана внутри черепа:

— Ты пришёл. Я ждал тебя сорок лет, Белый верблюжонок. Теперь я передаю тебе зрение. Смотри.

Ак-бота закрыл глаза, и перед ним вспыхнули тысячу сцен — рождение мира, когда море было горячим, и первые рыбы

выходили на берег; кочевые племена, пересекающие ледяные пустыни; воины с бронзовыми топорами; зелёные поля, которые сгорят завтра; дети, которые не родятся ещё сто лет. Он вскрикнул, но голос не слушался. Вся боль, вся радость, вся грязь и чистота вселенной хлынули в него через макушку, через пальцы, через глаза. Он видел, как умирает его мать — не от болезни, а от тоски, когда он уйдёт надолго; видел, как его отец снова женится; видел город Отрар, который падёт под копытами чужеземцев, но возродится в другом месте, под другим именем. И в конце этого видения он услышал вопрос: «Будешь ли ты служить камням?» И он ответил, не раздумывая: «Буду, потому что я сам камень». Светляк в глазнице мертвеца погас, кости рассыпались в прах, и Акбота остался один в руинах. Но когда он открыл глаза, мир стал прозрачным, как вода в горном ручье.

Кибитка его стояла на берегу Арыси, на самой стрелке, где вода делится надвое и уходит в разные протоки. Он не вернулся в отчий дом — он построил своё жилище сам, руками, которые с той поры не знали усталости. Он смешивал саман — глину с конским навозом и рубленой травой, — намешивал его ногами, как тесто, и клал стены. Ветки карагача ушли в перекрытия, и когда ветер дул с юга, кибитка пела — тонко, жалобно, как умирающий баран. В ней была одна дверь, обращённая к восходу, и одно отверстие в кровле, чтобы дым уходил к тенгри, а звёзды заглядывали внутрь по ночам. Стены изнутри он обмазал белой глиной — оттого в его доме

всегда было светло, даже в сумерках, и сам он казался призраком, присевшим у очага. Очаг был круглым, выложенным тёмными камнями, которые он принёс с гор Каратау. Там, говорят, до сих пор видны отпечатки его пальцев — он брал эти камни в ладони и гладил их, пока они не нагревались, пока в них не просыпался дух. Когда огонь разгорался, тени плясали по его лицу, и тогда становилось заметно: кожа его хранила ту же молочную бледность, как у больного ребёнка, хотя он провёл под солнцем пятьдесят зим — и ещё тридцать до этого, если считать ту жизнь, которую он помнил до рождения. Никакой загар не брал его, даже в самый зной он оставался белым, как саманная стена, и женщины из соседних аулов шептались: «Он либо бог, либо проклят, потому что солнце не хочет касаться его кожи». Он слышал эти шепоты и только смеялся.

В ту осень, когда начинается наша повесть, в степи не было травы. Джайляу — летние пастбища — выгорели ещё в пору кукушковых слёз, и старейшины трёх аулов пришли к нему в кибитку, один за другим, тайком, чтобы никто не увидел. Первым был Баймурат, седой старик с желтыми глазами, чей род считался самым древним вдоль Арыси. Он принёс мешок курута — кислого сыра, завернутого в баранью шкуру, и сказал, глядя в землю:

— Ак-бота, у нас не выживут ягнята. Где нам пасти скот? Ты видишь дальше, чем мы. Ты знаешь, где вода.

Белый верблюжонок засмеялся — смех его был похож на

звон колокольчика на шее у ишака, и в этом смехе не было ни злобы, ни презрения. Он откинул полог и, не вставая с кошмы, кивнул на три кучки камней, разложенных на белом войлоке перед ним. Камни — кумалаки — лежали в три ряда, по тринадцать в каждом, и ещё два он держал в левой руке, перебирая их, как чётки.

— Баймурат-ата, — сказал он, — ты пришёл не из-за ягнят. Ты пришёл потому, что твоя младшая жена изменяет тебе с пастухом из рода Конырат, и ты боишься, что отцом будущего сына будет не ты.

Старик побелел, как саманная стена. Он хотел что-то сказать, но Ак-бота уже перекинул камни в другую ладонь, и те застучали — сухо, ровно, как барабанная дробь. Пальцы его двигались сами, отделяя по четыре камешка, откладывая в стороны, пересчитывая, раскладывая на сетку из девяти квадратов. Каждое движение было отточено тысячекратно, но сейчас, в присутствии Баймурата, он делал это нарочито медленно, чтобы старик видел — гадание не шутка, не фокус, а разговор с духами. Он коснулся каждого камня по очереди лбом, и когда первый камень прижался к его кожи, он зажмурился на миг — этого мига хватило, чтобы увидеть всю подноготную Баймурата: его жену Жибек, с распущенными волосами, бегущую к пастуху, их шепоты у реки, её руки, перебирающие косички пастуха. Он видел даже цвет её нижней рубахи — шафрановый, подаренный тайно, и знал, что этот цвет означает, что она носит под сердцем ребёнка

— но не от мужа.

— Завтра на закате погонишь скот к северу, — продолжил он, не глядя на Баймурата, — туда, где земля помнит нашу праматерь. Там есть овраг, заросший чием. Вода не ушла из него. Но ты заплатишь мне — не курутом, не шубой. Ты заплатишь мне рассказом: как умер твой дед, Утеген, в ту зиму, когда снег шёл чёрный, как сажа.

Баймурат молчал долго. Он смотрел на кумалаки, которые уже успели лечь в три ряда — в верхнем ряду было три, четыре и два камня, в среднем — один, три и четыре, в нижнем — два, два и три. Цифры складывались в послание: огонь, вода, ветер, земля; прошлое, настоящее, будущее; голова, сердце, дорога. Ак-бота не объяснял, но Баймурат сам увидел в этом рисунке свой страх — камень, лежавший в квадрате «сердце», был чёрным, как глаз мертвеца. Старик встал, запахнул халат и вышел, даже не поклонившись. На пороге он обернулся и спросил: «А если я не расскажу?» Ак-бота усмехнулся: «Тогда я расскажу твоему аулу, почему у твоей жены живот круглый, хотя ты уже три года не был с ней». Баймурат исчез в темноте, как тень.

Ак-бота остался один. Он взял тот чёрный камень, который указывал на сердце, и приложил его к своему лбу. За веками разворачивалась картина: Баймурат стоит у своей кибитки, нож в руке, смотрит на спящую жену. Он не убьёт её. Он убьёт пастуха. И повесит его тело на карагаче, чтобы птицы клевали глаза. «Дураки, — подумал Ак-бота, — все-

гда убивают тех, кто под рукой, а не того, кто в сердце». Он вздохнул, отбросил чёрный камень в сторону, и тот с мягким стуком упал на войлок. Через час он предсказал бы Баймурату ещё и то, что убийство пастуха обернётся кровной враждой на три поколения, но Баймурат уже ушёл, и Ак-бота знал, что старик всё равно сделает по-своему — такова природа людей: они приходят за советом, чтобы услышать подтверждение собственных глупостей.

На следующее утро к нему пришла женщина — молодая, с лицом, изъеденным оспой, но с глазами, горящими как угли. Её звали Ажар. Она принесла с собой черепаху, которую поймала в Арыси, и сказала:

— Ак-бота, ты гадаешь не только на камнях. Погадай мне на этом панцире. Я хочу знать, будут ли у меня дети.

Он взял черепаху, перевернул её на спину. Животное было старым, с глубокими трещинами на щитке, и в этих трещинах, словно руны, запёкся ил. Он не стал убивать черепаху — он только провёл пальцем по линиям панциря, и там, где его палец касался, трещины начинали светиться бледным светом, как светляки в траве. Он смотрел на этот свет, и в его сознании рождались образы: Ажар, лежащая на кошке, с раскрытыми бёдрами; старая повитуха, качающая головой; кровь на белой ткани; плач, который стихает. Потом другой образ: маленькая девочка с чёрными косичками, бегающая по берегу, и у неё глаза Ажар, но лицо не изъедено оспой. Он отпустил черепаху, и та быстро перевернулась и уползла

к реке, ни разу не оглянувшись.

— Ты родишь, — сказал он. — Но не сейчас. Через три года, когда снег сойдёт на месяц раньше обычного. Это будет девочка. Она будет похожа на тебя, но без твоих шрамов. Её отец — не твой муж, а тот кузнец, который дважды улыбнулся тебе на базаре. Ты думаешь, я не знаю? Но я скажу тебе больше: ты будешь любить мужа до самой его смерти, и только после поймёшь, что он был добр, хотя и не любил тебя.

Ажар заплакала. Она упала на колени, целовала его руки, белые и холодные, и просила: «Забери мою боль, Ак-бота, я не хочу ждать три года». Он поднял её мягко, как поднимают упавшего ягнёнка, и сказал: «Боль — это единственное, что делает нас людьми. Если я заберу её, ты превратишься в тень. Ступай, и жди. И запомни: когда родится твоя дочь, назови её Ак-толкын — Белая волна, чтобы она была свободной, как вода». Ажар ушла, но на следующий день весь аул знал, что Ак-бота предсказал рождение ребёнка от кузнеца, и муж Ажар, услышав это, не ударил жену, а только сел и заплакал — он знал, что шаман не лжёт, но благодарил его за то, что сказал правду, а не оставил её в темноте.

К полудню того же дня пришёл третий — старик с багровым носом, которого звали Досмухамет, и он привёз с собой больного сына. Юноша лежал на телеге, укрытый кошмой, и дышал тяжело, с хрипом. В его лёгких поселилась тень — Ак-бота увидел это, даже не дотрагиваясь до больного. Он сказал: «Это не болезнь. Это дух злого ветра, который вошёл

в него, когда он спал у старого колодца». Досмухамет заплакал: «Вылечи его, я отдам тебе половину моего стада». Ак-бота покачал головой: «Ты отдашь мне не стадо. Ты отдашь мне свой страх. Сейчас, при всех, ты признаешься, что сам отравил своего старшего брата, чтобы взять его жену, и что именно из-за этой вины твой сын сейчас умирает».

Досмухамет побелел, потом покраснел, потом стал серым. Он оглянулся на людей, которые собрались у кибитки — всегда была толпа, потому что Ак-бота не принимал никого тайно, он любил, чтобы всё было на виду, словно спектакль. Старик упал на колени и зарыдал: «Прости меня, шаман, я сделал это, я дал ему кумыс с ядом, но я раскаялся, я молился сорок дней!» Ак-бота подошёл к юноше, положил ему руку на грудь, и его белая ладонь засветилась ровным, тёплым светом. Он зашептал древние слова, которых никто не понял — одни говорили, что это на языке предков, другие — что на языке джиннов. Свет проникал в грудь юноши, вытаскивая чёрный клубок, и этот клубок растворялся в воздухе с вонью гнилого мяса. Юноша закашлялся, открыл глаза и сел. Ак-бота же обернулся к Досмухамету: «Прощение — не моя власть. Прощение — у тенгри. Но ты будешь жить с этим камнем на шее до самой смерти. И когда умрёшь, ты снова встретишь брата, и тогда он решит — прощать или нет». Досмухамет ушёл, согнувшись, как старый карагач под ветром.

Ак-бота не хотел славы. Он хотел только одного — чтобы люди не врали друг другу, потому что ложь, как грязь, замут-

няет воду, и в мутной воде не видно будущего. Он использовал кумалаки не для того, чтобы запугивать, а чтобы чистить. Когда человек говорил ему правду, камни ложились ровно, и будущее становилось ясным, как день. Когда человек лгал, камни прыгали, переворачивались, отказывались слушаться, и Ак-бота гнал такого прочь: «Твоя ложь заразит мои камни, иди и очистись сперва». Поэтому к нему ходили только те, кто был готов к исповеди. И так росла его слава — не как колдуна, а как судьи, перед которым не спрячешься.

Но были и те, кто не верил. Старейшины соседних аулов — те, чьи роды были старше и многочисленнее, — собирались у себя в юртах, пили айран и шептались. Их корсетные, расшитые золотом и кораллами, висели на стенах, а у самих стариков лица были обветрены и желты, как осенний саксаул. Они завидовали белизне Ак-боты — как можно владеть такой силой и оставаться таким светлым? Разве не должен шаман быть сожжённым солнцем, разъеденным ветром, отмеченным печатью нечистого? У них были свои гадалышки, баксы, которые трясли бубнами и входили в транс, но ни один не мог предсказать дождь так точно, как этот белый выродок, ни один не знал, куда ушла вода в засушливый год. И зависть росла, как полынь на солончаке.

Особенно лютовал Куттыбек, самый старый и самый злой из старейшин, чей род якобы вёл начало от самого Чингисхана, хотя в жилах его текла только баранья кровь. Куттыбек был толст, как курдюк, и носил на шее девять амулетов из

волчьих зубов, чтобы защититься от сглаза. Он собрал совет старейшин и сказал:

— Этот белый — не человек. Он — джинн, принявший обличье верблюжонка. Он мутит воду в нашем народе, он забирает нашу власть. Кто будет слушаться нас, если все пойдут к нему за советом? Мы призовём тех, кто умеет укрощать таких.

И призвали. Из-за Улутау пришёл тёмный шаман — чёрный, как головешка, с глазами без зрачков, с кожей, покрытой струпьями. Его звали Кара-кус — Чёрная Птица. Он носил на шее череп ворона, а на поясе — девять бубенчиков, которые звенели даже в безветрие. За ним шли пять учеников — худых, как жерди, с выбритыми головами и с медными кольцами в ушах. Говорили, что Кара-кус может остановить сердце человека на расстоянии, что он разговаривает с мёртвыми и что он уже убил трёх шаманов, которые встали у него на пути. Он пришёл в кибитку Ак-боты в полночь, когда луна была в ущербе, и принёс с собой мешочек с песком из могилы самоубийцы, три волоска с головы мертвой девственницы и коготь манула — всё это он разложил у порога, чтобы перекрыть вход духам-защитникам.

Ак-бота встретил его у порога — босой, в одной нательной рубахе из верблюжьей шерсти, с растрёпанными волосами, которые отливали серебром. На его лице играла та же улыбка, что и всегда — чуть насмешливая, как у Алдара-ко-се, который обманывал баев и судей. Он держал в руке горсть

кумалаков — сорок один, ни больше, ни меньше, — и перебирал их лениво, как чётки.

— Кара-кус, — сказал он, — ты пришёл навести порчу на мою голову? Или хочешь, чтобы я погадал тебе на твоё же будущее? Ты умрёшь через два дня, Кара-кус. И умрёшь не от моей руки — ты подавишься костью от того самого бара-на, которого зарежешь завтра на поминках своей матери. Ты думал, что я не знаю, как ты убил мать? Ты удавил её подушкой, когда она отказалась дать тебе своё благословение, потому что ты хотел жениться на дочери врага. Но я знаю всё. Камни поведали мне.

Чёрная Птица зашипел, как раздавленная змея. Его ученики забились в бубны, начали кружиться вокруг кибитки, выкрикивая гортанные заклинания. Кара-кус принялся раскладывать свой песок на земле, чертя круги и треугольники, в центре которых положил волосы и коготь. Он пел, он трясся, из его рта шла пена, а бубенчики звенели так, что, казалось, вот-вот треснут барабанные перепонки. Но Ак-бота не двигался. Он просто стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел. Смотрел не на Кара-куса — сквозь него, на ту стену времени, где уже были записаны имена всех, кто когда-либо приходил с тёмной силой к нему на порог. Он видел, как Кара-кус в своей молодости убил первого учителя, как потом убил брата, как сжигал юрты несогласных, как насиловал женщин в припадках ярости. Всё это было написано на лице шамана, хотя лицо было чёрным и страшным.

И вдруг Ак-бота сказал тихо, но так, что все услышали:

— Твоя мать, Кара-кус, не умерла. Она не умерла от твоей руки. Ты думал, что удавил её, но ты ошибся — ты удавил свою наложницу, а мать сбежала с кочевым купцом из Бухары. И сейчас она жива, у неё четверо детей, она каждую ночь молится, чтобы ты перестал искать её. Ты убил отца, потому что он сказал тебе правду. Ты убил брата, потому что он был похож на отца. И ты думал, что, истребив кровь, сможешь стать сильнее. Но ты стал только злее, и твоя злоба уже съела твои внутренности — ты болен, Кара-кус, ты умираешь от той же болезни, от которой умерли твои жертвы.

Кара-кус рухнул на колени. Его мешочек с песком рассыпался, и чёрная пыль смешалась с белой глиной пола, образуя грязные разводы. Бубенчики замолкли. Ученики перестали кружиться и застыли, как статуи, с раскрытыми ртами. Чёрная Птица поднял на Ак-боту глаза, в которых вместо злобы стоял ужас — древний, животный ужас человека, увидевшего своё отражение в зеркале и понявшего, что оно старое, пустое, мёртвое.

— Дай мне, — прошептал он, — дай мне имя моей матери. Я буду твоим рабом. Я принесу тебе кожи и меха. Я отдам тебе силу всех моих духов. Только скажи, где она.

Но Ак-бота только махнул рукой, как отгоняют муху.

— Ступай, — сказал он. — Ты никому не нужен, даже тенгри. Твой путь кончится через два дня, как я сказал. Не ищи её — она не примет тебя. Она молится о том, чтобы ты

не нашёл её, потому что она боится тебя больше, чем смерти. Ты — не сын ей, ты — чужак. Иди и умри тихо, как собака, чтобы люди не запомнили твоего имени.

Кара-кус встал, пошатываясь, и пошёл прочь. Ученики подхватили его под руки, и они исчезли в ночи, оставив за собой запах серы и горелых костей. Ак-бота долго стоял на пороге, глядя им вслед, потом зачерпнул пригоршню песка с порога, бросил его в очаг, и песок сгорел синим пламенем, очищая место.

На следующее утро, как и было, сказано, Кара-кус зарезал барана в честь поминок своей матери, хотя он знал, что она жива, но делал вид, что скорбит. Он сидел в кругу своих учеников, ел мясо, пил бульон, и вдруг закашлялся. Маленькая баранья кость, острая, как игла, застряла у него в горле. Он захрипел, ученики били его по спине, лили воду, но кость не выходила. Он умер через час, посиневший, с выпученными глазами, и ученики в страхе разбежались, оставив тело в степи на съедение волкам. Так сбылось пророчество Ак-боты, и молва о нём пошла ещё дальше — даже за Сырдарью, в земли кочевников, где говорили на другом наречии, но знали: есть белый шаман на Арыси, который видит будущее лучше, чем вы видите свои ноги.

Вскоре после этого к Ак-боте пришли гонцы от кагана, что правил в далёком городе на юге. Они привезли золотую чашу и шкуру снежного барса, чтобы он предсказал исход войны, которую каган готовил против соседнего племени.

Ак-бота взял кумалаки, разложил их, и его лицо омрачилось. Он сказал: «Каган победит, но потеряет своего старшего сына. Если он не хочет этого, пусть откажется от похода». Гонцы передали эти слова, но каган, как и все правители, не послушался. Он пошёл войной, победил, но сын его погиб в первой же битве от стрелы, пущенной из засады. Каган заплакал, разорвал на себе одежды и поклялся отомстить шаману, который предрёк беду, — но, поостыв, послал ему второй дар: пятьдесят верблюдов, нагруженных шёлком, и просил больше никогда не гадать для него, потому что правда оказалась горькой. Ак-бота принял верблюдов, раздал шёлк вдовам и сиротам и ответил посланцу: «Скажи кагану: я не делаю правду горькой, она горька сама по себе. Если он не хочет знать её, пусть не спрашивает».

Так он жил, день за днём, месяц за месяцем, год за годом. Его кибитка на Арыси стала местом паломничества. Приходили старики с больными суставами, и он растирал их кореньями, шепча заклинания, и боль уходила. Приходили молодые девушки, которые хотели знать имя суженого, и он вынимал из мешочка сорок один боб — вместо камней иногда он гадал на бобах, которые привозили купцы из Индии, — и называл имя, и почти всегда девушки выходили замуж за тех, кого он назвал. Приходили охотники, спрашивали, где водится дичь, и он указывал направление, и они возвращались с тушами джейранов и фазанов. Приходили земледельцы с окраин Отрара, просили предсказать урожай, и он вы-

ходил к реке, смотрел на пузырьки воды, на поведение рыб, на полёт ласточек, и говорил: «Будет просо, но не будет ячменя», или «Будет ячмень, но червь поест половину», и все знали, что так и случится.

Он научился гадать на всём, что попадалось под руку: на стеблях тысячелистника, которые он срывал в полнолуние и бросал на белый войлок — узоры стеблей складывались в письмена; на ветках саксаула, которые он бросал в костёр, и треск горящей древесины пел ему ответы; на панцирях черепах, как он делал для Ажар; на внутренностях жертвенных ягнят — он не любил убивать животных, но иногда духи требовали крови, и он делал это с закрытыми глазами, быстро, безболезненно, а потом читал по линиям печени и желчного пузыря, где и когда нападут враги, или когда случится мор. Один раз он даже погадал по звёздам, лежа на спине, на берегу, и предсказал появление яркой кометы, которая должна была пройти над степью через три месяца, и когда комета явилась, все старейшины поклонились в его сторону, не видя его, но чувствуя его взгляд из кибитки.

И при всём этом — ни капли высокомерия. Ак-бота оставался таким же простым в общении, как прост был камень под ногами. Он любил шутить, подшучивать над старейшинами, обманывать их в мелочах — например, мог сказать, что у такого-то бая украдут коня, если он не даст бедным по горсти муки, и бай, испугавшись, раздавал муку, а конь оставался цел. Так он перехитрил многих жадных и злых людей,

и его прозвали «вторым Алдар-косу», хотя он был мудрее и глубже того легендарного обманщика. Он лечил не только тело, но и душу — заставлял людей признаваться в грехах, и после признания они уходили с лёгким сердцем, даже если будущее было неясным.

Но всё имеет предел. Даже белый цвет тускнеет, если долго лежать в пыли. С годами Ак-бота начал чувствовать, как земля под его кибиткой стала тяжёлой, как старые кости поднимаются из могил и требуют своего. Ему снились сны, в которых Отрар горел, а Арысь текла кровью, и люди, которых он знал, бежали по берегу с обугленными лицами. Он просыпался в холодном поту, брал кумалаки и раскладывал их трижды, четырежды, пять раз, но каждый раз камни давали один и тот же ответ: «Уходи. Ты сделал всё, что мог. Уходи в горы, где не ступала нога человека, потому что скоро придут те, кто не поверит тебе, и они сломают твои кости и разбросают твои камни».

Он не хотел уходить. Он любил эту реку, её запах тины и свежей рыбы; любил шум ветра в карагаче, который он посадил у самого входа; любил лица людей, которые смотрели на него с надеждой, как смотрят на утреннее солнце. Но голос предков, тот самый, что он слышал в руинах Асан-кайгы, звучал теперь каждый вечер, и звук его был похож на треск сухих веток под ногами. «Уходи, Белый верблюжонок, — говорил голос. — Если останешься, камни превратятся в песок, и ты потеряешь зрение. Ты нужен будущему, а не на-

стоящему».

И тогда в одно утро, когда солнце ещё не взошло, а звёзды дрожали на небе как последние слёзы, Ак-бота вышел из кибитки, держа в руках мешок с сорока одним камнем. Он был босой, и роса холодила его ступни. Он подошёл к берегу Арыси, где вода бурлила на перекате, и сел на корточки. Луна стояла в зените, круглая и бледная, как его собственное лицо. Он высыпал кумалаки на ладонь — каждый был гладким, тёплым от его тела, каждый хранил в себе тысячи судеб, которые он прочитал за свою жизнь. Он поцеловал каждый камень — как целуют детей перед сном, как целуют руки умирающим, — и один за другим бросил их в реку.

— Плывите, — сказал он. — Вы нужны тем, кто родится через тысячу лет. Мне вы больше не нужны — я сам стал камнем. Я сам стал прозрением. Никто не сможет отнять у меня того, что я видел, потому что я не вижу глазами — я вижу кожей, я вижу костями.

Кумалаки упали в воду, и в тот же миг река всколыхнулась, будто огромная рыба перевернулась на спину. Вода забурлила, закружилась воронками, и на поверхности появились лица — лица его предков, его учеников, его врагов, его будущих паломников, которые ещё не родились, но уже стояли на этом берегу и смотрели на него сквозь толщу веков. Он увидел мать Айгерим, которая улыбалась ему, хотя она умерла двадцать лет назад; он увидел отца Жангира, который сидел на коне и кивал, будто давая разрешение; он увидел

Асан-кайгы, чей череп светился светляком; он увидел Ажар с маленькой девочкой на руках — та самая девочка, которую он предсказал, уже родилась, и он знал, что она будет счастлива. И он увидел тех, кто придёт после него: людей с железными повозками, с огненными трубками, с глазами, которые видят дальше орлов. Они не поверят в камни, они назовут его сказкой, но в их крови всё равно будет течь его белизна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.